Самсон Гелхвидзе

Сквозь смех и слёзы

18+

Роман

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

СКВОЗЬ СМЕХ И СЛЁЗЫ - (роман)

«Автор»

2026

ГЕЛХВИДЗЕ С.

СКВОЗЬ СМЕХ И СЛЁЗЫ - (роман) / С. ГЕЛХВИДЗЕ — «Автор», 2026

«СКВОЗЬ СМЕХ И СЛЁЗЫ» -приключенческий роман, в котором трагические события Гражданской войны показаны не только через военные столкновения и судьбы исторических личностей, но и через человеческие отношения, дружбу, любовь, солдатский юмор и верность товарищам.Центральная фигура произведения — Василий Иванович Чапаев. Автор стремится показать его не просто легендарным командиром, каким его привыкли видеть по книгам и кинофильмам, а живым человеком — со своим характером, решительностью, слабостями, чувством юмора и непростыми решениями.Особую эмоциональную роль играют образы Петьки и Анки, которые придают повествованию человеческую теплоту, помогает читателю увидеть войну не только глазами командиров, но и через переживания простых людей. Эти персонажи являются художественным воплощением авторского замысла, и не претендуют на документальную достоверность.Сильная сторона романа — его контрастность: здесь трагедия соседствует с юмором, опасность — с надеждой, память — с переживаниями.

© ГЕЛХВИДЗЕ С., 2026
© Автор, 2026

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ
СКВОЗЬ СМЕХ И СЛЁЗЫ - (роман)

«СКВОЗЬ СМЕХ И СЛЁЗЫ»
Историко-юмористический, приключенческий и трагический роман

Пролог. Последняя ночь в Лбищенске

Лбищенск, ночь с 4 на 5 сентября 1919 года.

Ночь опустилась на Лбищенск незаметно, словно кто-то осторожно накрыл небольшую степную слободу тёмным покрывалом. Днём здесь ещё чувствовалось движение большого военного механизма: по улицам проходили конные разъезды, возле домов останавливались повозки, связные торопились из одного штаба в другой, а на окраинах поднималась пыль от проходивших подразделений. Теперь же городок постепенно затихал. В окнах большинства домов погасли огни, улицы опустели, и только возле отдельных зданий продолжали дежурить часовые.

В одном из домов, где разместился штаб 25-й стрелковой дивизии, ещё горела керосиновая лампа. Её неровный свет падал на большую карту, разложенную на столе, освещал лежавшие рядом донесения и терялся в дальних углах комнаты, погружённых в густую тень.

Василий Иванович Чапаев не спал.

За последние месяцы он привык к тому, что война почти не оставляет человеку времени на отдых. Сегодня приходилось решать вопросы снабжения, завтра — разбираться с передвижением частей, а послезавтра — лично отправляться туда, где обстановка становилась особенно напряжённой. Командир дивизии не мог позволить себе думать только о собственном самочувствии. За каждым его решением стояли тысячи людей, и далеко не все из них представляли, какой ценой даётся даже небольшая победа.

Чапаев склонился над картой, внимательно изучая расположение подразделений. Несколько раз он передвигал карандаш, делал пометки на полях донесения, затем откидывался на спинку стула и задумчиво смотрел перед собой.

Лицо его выражало усталость, но в глазах сохранялась настороженность человека, который слишком долго прожил среди военных тревог, чтобы доверять обманчивому спокойствию.

Дверь тихо скрипнула.

— Василий Иванович, не спите?

— А ты как думаешь? — не поднимая головы, ответил Чапаев.

На пороге стоял Петька. В одной руке он держал жестяную кружку, в другой — небольшой чайник, который выглядел так, будто прошёл не одну военную кампанию.

— Я думаю, что вы не спите, — рассудительно произнёс ординарец. — Но решил проверить лично.

— Проверил?

— Проверил. Теперь могу доложить, что командир дивизии находится на своём боевом посту.

— Очень хорошо. А где находится мой чай?

— Здесь, товарищ командир. Причём чай настоящий, не штабной.

Чапаев наконец поднял голову.

— А чем штабной отличается от настоящего?

— Штабной, Василий Иванович, бывает такой, что после первой кружки хочется написать заявление о переводе в кавалерию. Там хотя бы лошадям дают овёс.

Чапаев усмехнулся.

— Ты, я вижу, всё больше разбираешься в снабжении.

— Приходится. Кто-то же должен думать о народе.

— О каком ещё народе?

— О нас с вами, Василий Иванович. Другого народа у меня пока нет.

Командир рассмеялся и протянул руку за кружкой.

— Поставь чайник. И садись, если ноги не устали от государственных забот.

Петька поставил чайник на край стола, осторожно отодвинул несколько бумаг и устроился на свободном стуле. Он был ещё молод, хотя последние годы войны успели добавить его лицу несколько преждевременных морщин. В нём сочетались беспечность, наблюдательность и та особая солдатская находчивость, которая порой оказывается полезнее самой обстоятельной инструкции.

— Василий Иванович, а вы когда-нибудь думали, что будет после войны?

Чапаев посмотрел на него с нескрываемым удивлением.

— После какой?

— После этой.

— Ты сначала дождись, когда она закончится.

— Так я и спрашиваю на всякий случай. Мало ли что. Вдруг завтра всё возьмёт да и закончится.

— Тогда ты, наверное, первым делом пойдёшь жениться?

— Почему первым? Сначала надо будет выяснить, согласится ли невеста.

— А если не согласится?

— Тогда придётся продолжать революцию.

Чапаев снова рассмеялся, но улыбка быстро исчезла с его лица. Он посмотрел на карту, где тонкими линиями были обозначены река, дороги и расположение частей дивизии.

— Знаешь, Петька, — произнёс он после небольшой паузы, — война вообще странная штука. Человек утром собирается жить, вечером получает приказ идти в бой, а ночью уже не знает, увидит ли следующий рассвет.

— Это вы верно сказали, Василий Иванович. Поэтому я и предлагаю чай пить горячим, пока есть такая возможность.

— Вот за это тебя и держу при себе. Умеешь находить правильные решения в сложных обстоятельствах.

За стеной послышались шаги часового. Где-то в стороне коротко заржала лошадь. Чапаев придвинул к себе очередное донесение и снова принялся читать.

Петька некоторое время молчал, наблюдая за командиром. Он знал, что за внешней резкостью Василия Ивановича скрывается человек, которому нелегко доверять другим, но который способен в решающий момент взять на себя ответственность за чужие жизни. Не раз ему приходилось видеть, как Чапаев, не считаясь с опасностью, появлялся там, где бойцы уже начинали терять надежду.

— Василий Иванович, — тихо произнёс он, — а вы сами смерти боитесь?

Карандаш в руке командира остановился.

— А ты?

— Я? Конечно, боюсь. Кто ж её не боится? Только виду стараюсь не показывать.

— Вот и я стараюсь.

Они посмотрели друг на друга. На этот раз ни один не улыбнулся.

За окном по-прежнему стояла степная ночь. Вдалеке, за пределами городка, простирались бескрайние пространства, где уже несколько часов двигались люди, о приближении которых штаб пока не имел достоверных сведений.

Пока в доме горела лампа, пока на столе лежала карта и пока два человека могли спокойно разговаривать о чае, женитьбе и будущей жизни, казалось, что у них ещё достаточно времени.

Но время уже работало против них.

К Лбищенску приближалась опасность. В ночь на 5 сентября 1919 года отряд уральских казаков под командованием полковников Николая Бородина и Тихона Сладкова готовился к внезапному нападению. Город, в котором находился штаб дивизии, оказался перед лицом серьёзной угрозы.

Никто из сидевших за столом ещё не знал, сколько человеческих судеб изменится до наступления утра.

И никто не мог предположить, что спустя десятилетия имя Василия Ивановича Чапаева станет частью народной легенды, а рядом с ним появится неразлучный Петька — герой анекдотов, солдатских баек и бесчисленных историй, в которых правда будет переплетаться с вымыслом настолько тесно, что отделить одно от другого окажется непросто.

Но прежде чем стать легендой, им предстояло прожить жизнь.

И именно об этой жизни мы собираемся рассказать.

Глава первая. Мальчик из Будайки

За много лет до того, как имя Василия Ивановича Чапаева стало известно всей России, до военных походов, громких приказов и тревожных ночей Гражданской войны, существовала небольшая чувашская деревня Будайка. Там, среди крестьянских домов, огородов и пыльных дорог, 9 февраля 1887 года родился мальчик, которому предстояло прожить короткую, необычную и полную противоречий жизнь.

Семья Чапаевых не принадлежала к числу зажиточных. Как и многие крестьянские семьи того времени, она знала цену тяжёлому труду, нехватке денег и ежедневной заботе о хлебе насущном. Отец, Иван Степанович, был человеком работящим, привыкшим рассчитывать прежде всего на собственные руки. Мать, Екатерина Семёновна, занималась домом и детьми. Семья была большой, и каждому её члену с ранних лет приходилось понимать, что без помощи близких в деревенской жизни далеко не уедешь.

Василий рос среди братьев и сестёр, наблюдая за тем, как устроен окружающий мир. Он ещё не знал, что такое военная стратегия, не видел настоящего сражения и не представлял себе, насколько далеко могут завести человека обстоятельства, которыми он пока совершенно не управляет.

Зато он рано узнал, что такое работа.

В деревне никто не собирался освобождать мальчика от обязанностей только потому, что он был младшим или ещё не достиг взрослого возраста. Надо было помогать по хозяйству, выполнять поручения старших, присматривать за скотом, учиться обращаться с инструментами. Детство проходило не в праздности, а в постоянном движении.

Василий был любознательным и, судя по позднейшим воспоминаниям о его характере, не слишком склонным к тихому и покладистому поведению. Ему хотелось знать, почему одни люди командуют, другие подчиняются, почему один человек может добиться своего, а другой всю жизнь остаётся в стороне. Подобные вопросы ещё не складывались у него в какую-либо философию, но сама привычка не принимать окружающий порядок как нечто неизменное постепенно становилась частью его характера.

Впрочем, пока всё это было далеко от будущих военных событий. Впереди находились школа, работа, семейные заботы и нелёгкая дорога взросления.

Мальчик учился в церковноприходской школе, однако образование его оказалось непродолжительным. Семейные обстоятельства требовали труда, и Василий довольно рано начал работать по найму. Впоследствии он освоил плотницкое дело, которое было для него не просто способом заработка, но и настоящей школой практической жизни.

Он ещё не знал, что однажды ему придётся командовать людьми, принимать решения, от которых будет зависеть исход боя, и смотреть на огромную карту, пытаясь понять, где противник нанесёт следующий удар.

Пока перед ним лежала совсем другая карта — карта его собственной жизни, на которой ещё почти ничего не было обозначено.

Глава вторая. Плотницкая наука и первые уроки жизни

Деревенское детство редко бывает долгим, если семья живёт в нужде. В таких семьях мальчики рано узнают, что хлеб не появляется на столе сам собой, а одежда не покупается за красивые слова. Василий Чапаев тоже довольно быстро усвоил эту простую истину.

После переезда семьи из Будайки в село Балаково Самарской губернии жизнь Чапаевых постепенно вошла в привычную колею волжского крестьянского быта. Семья была многодетной, денег постоянно не хватало, и каждый взрослый должен был работать. Отец Василия, Иван Степанович, занимался плотницким делом. Именно от него сыну предстояло перенять ремесло, которое впоследствии не раз помогало ему зарабатывать на жизнь.

Балаково того времени было не просто большим селом. Здесь пересекались торговые пути, работали мастерские, пристани и лавки, сюда приезжали купцы и ремесленники. Волга давала одним работу, других лишала заработка, но никому не позволяла надолго оставаться без движения.

Для молодого Василия это стало хорошей школой. Он учился обращаться с инструментами, подгонять доски, работать с древесиной, различать её свойства и понимать, почему одна вещь, сделанная аккуратно, служит десятилетиями, а другая разваливается после первого серьёзного испытания.

Плотницкое дело требовало терпения и точности. Можно было сколько угодно торопиться, но плохо подогнанная доска всё равно выдавала нерадивого мастера. Ошибка в расчёте приводила к перекосу, неточная разметка портила материал, а попытка скрыть недостаток работы обычно обнаруживалась гораздо быстрее, чем хотелось бы.

Василию нравилось, когда дело спорилось. Он не любил долго рассуждать там, где можно было взять инструмент и приступить к работе. Но это вовсе не означало, что он действовал бездумно. Напротив, практическая смекалка постепенно становилась одной из его сильных сторон.

Отец, человек немногословный, нечасто хвалил сына. Но однажды, наблюдая за тем, как Василий работает над деревянной конструкцией, Иван Степанович, возможно, сказал ему:

— Не торопись. Доска терпит, пока ты её обрабатываешь. А если ошибёшься, переделывать придётся тебе.

Василий отложил рубанок.

— А если заказчик торопит?

— Пусть торопит. Он за скорость платит или за работу?

— За работу.

— Вот и делай работу.

Этот короткий разговор мог состояться в мастерской отца. Во всяком случае, именно такую жизненную науку будущий командир мог вынести из своего ремесла: результат зависит не от громкости обещаний, а от того, насколько хорошо человек умеет делать своё дело.

Постепенно Василий стал работать самостоятельно, брать заказы и зарабатывать деньги. Он уже не был мальчиком, которому достаточно поручить принести инструмент или подмести мастерскую. Перед ним открывалась дорога взрослой жизни.

Но, как это часто бывает, одной профессией человеческая судьба не ограничивается.

Василий рос, знакомился с людьми, участвовал в деревенских развлечениях, заводил знакомства. Его характер нельзя было назвать покладистым. Он мог быть весёлым, вспыльчивым, настойчивым, а порой и чрезмерно прямолинейным. Не каждый был готов спокойно воспринимать его манеру разговаривать, особенно если собеседник привык к тому, что последнее слово всегда остаётся за ним.

Впрочем, сам Василий, вероятно, считал, что последнее слово должно оставаться за тем, кто прав.

В 1908 году его призвали на военную службу. Он оказался в Киеве, однако уже в следующем году был уволен в запас по состоянию здоровья. После возвращения домой Василий вновь занялся привычным ремеслом.

Военная служба оказалась недолгой, но, возможно, именно тогда он впервые почувствовал себя частью большого мира, далеко выходящего за пределы родного села.

Там были другие люди, другие порядки, незнакомые города и совершенно иные требования к человеку. Приходилось подчиняться командам, соблюдать дисциплину и выполнять распоряжения, даже если они не всегда казались разумными. Для молодого человека с независимым характером такая наука едва ли давалась легко.

Но Василий вернулся домой и снова взялся за плотницкие инструменты.

В 1909 году в его жизни произошло событие, имевшее куда большее значение, чем очередной заказ или заработок. Он женился на Пелагее Никаноровне Метлиной.

Их семейная жизнь начиналась без особого достатка, но с обычными для молодых людей надеждами. Василий продолжал работать, Пелагея занималась домашними делами. Постепенно в семье появились дети: Александр, Клавдия и Аркадий.

Теперь у него были не только собственные планы, но и люди, за которых он отвечал каждый день.

Работа, дом, заработок, семейные заботы — всё это составляло мирную жизнь, которая впоследствии окажется почти недостижимой роскошью.

Василий не мог знать, что его семейная судьба сложится непросто, что впереди будут разлуки, тяжёлые решения и война, которая изменит привычный порядок существования миллионов людей.

Пока же он был молодым плотником, мужем и отцом.

И, возможно, именно в эти годы в нём особенно остро проявилось желание не оставаться всю жизнь на одном месте. Ему хотелось большего. Не обязательно богатства или высокого положения. Скорее, ощущения, что он способен влиять на происходящее вокруг, что его слово может что-то изменить, а поступки не растворятся бесследно среди бесчисленных будничных забот.

Время шло. На Волге сменялись времена года, в мастерских стучали молотки, на пристанях грузили товары, а в городах всё чаще говорили о политике, рабочих волнениях и несправедливости существующего порядка.

Европа приближалась к большой войне, хотя далеко не каждый житель Балакова мог представить, что вскоре привычная жизнь окажется перевёрнутой.

Василий продолжал работать. Но впереди уже поднималась новая эпоха.

В сентябре 1914 года его вновь призвали в армию. На этот раз возвращение к мирной плотницкой работе оказалось совсем не таким, как после прежней службы. Начиналась Первая мировая война.

Он ещё не знал, что именно там, среди окопов, артиллерийских разрывов и бесконечных переходов, будет испытан его характер. И что война, отнявшая у него привычный мир, одновременно откроет дорогу к совершенно другой судьбе.

Глава четвёртая. Первые бойцы

Николаевск встретил Василия Чапаева беспокойными разговорами, митингами и непривычным оживлением на улицах. Казалось, город за несколько месяцев постарел на целое десятилетие. Люди стали чаще собираться группами, спорить, доказывать друг другу свою правоту. Вчерашние знакомые порой обнаруживали, что теперь принадлежат к разным политическим лагерям, и это открытие не всегда радовало обе стороны.

В небольшом помещении, где прежде решались обычные городские дела, теперь проходили собрания. На столах лежали бумаги, списки, какие-то старые карты, а у стен стояли вооружённые люди. Одни приходили добровольно, другие являлись по распоряжению местных органов власти. Почти каждый считал себя человеком, который хорошо понимает, как следует устраивать новую жизнь.

Василий Иванович относился к подобным рассуждениям с осторожностью. Он уже успел заметить, что громче всех о дисциплине иногда говорят те, кто сам не умеет вовремя явиться на службу.

Однажды утром он вошёл в помещение, где его ожидали несколько человек.

— Ну что, товарищи, — сказал он, снимая фуражку, — много у нас сегодня желающих защищать революцию?

— Достаточно, Василий Иванович, — ответил один из присутствующих.

— Это хорошо. А сколько из них умеют обращаться с винтовкой?

Собравшиеся переглянулись.

— Некоторые умеют.

— А остальные?

— Остальные готовы учиться.

Чапаев положил фуражку на стол.

— Учиться — дело хорошее. Только пусть сначала научатся не направлять винтовку на собственную ногу. А то получится, что противника у нас ещё нет, а потери уже начались.

В комнате послышался смех.

Так начиналась новая работа Василия Ивановича. Ему предстояло собрать людей, которые могли бы не только громко заявлять о своих убеждениях, но и действовать сообща. Он понимал, что создать боеспособный отряд из случайно собравшихся добровольцев непросто. Каждый приходил со своим характером, представлениями о справедливости и собственными обидами.

Среди новобранцев встречались бывшие фронтовики, крестьяне, рабочие, молодые парни, ещё не успевшие толком понять, что такое настоящая военная служба. Одни имели за плечами несколько лет окопной жизни, другие впервые держали в руках винтовку.

Василий Иванович внимательно присматривался к людям. Он не любил судить о человеке только по внешности или красивым словам. Ему хотелось видеть, как тот ведёт себя в деле, способен ли выполнять поручения, не теряется ли при неожиданностях и умеет ли отвечать за собственные поступки.

Особенно его интересовали бывшие солдаты. Они уже знали цену военной дисциплине, но после революции далеко не все хотели снова подчиняться строгим приказам.

Один из таких людей, коренастый мужчина с густыми усами, явился на собрание и заявил, что готов служить, но исключительно на добровольных началах.

— А что значит исключительно? — спросил Чапаев.

— Значит, чтобы меня никто не заставлял.

— А если приказ получишь?

— Если приказ правильный, выполню.

— А если тебе покажется неправильным?

— Тогда сначала обсудим.

Чапаев посмотрел на него с интересом.

— Ты, братец, не в собрание записываешься, а в вооружённый отряд.

— Я понимаю.

— Вот и хорошо. Только запомни: обсуждать будем тогда, когда на это есть время. А когда стреляют, каждый должен знать своё место.

Усатый задумался, затем кивнул.

— С этим согласен.

— Тогда оставайся. Посмотрим, какой из тебя получится боец.

Василий Иванович не стремился подавить людей одной только суровостью. Он знал, что солдат, которого постоянно унижают, редко становится надёжным товарищем. Но и чрезмерная мягкость была опасна. В отряде, где каждый поступает по собственному усмотрению, никакой командир долго не продержится.

Работа шла ежедневно. Нужно было распределять людей, заниматься оружием, искать продовольствие, определять места расположения подразделений. Не хватало почти всего, кроме желающих давать советы.

Особенно много хлопот доставляли винтовки. Одни были старого образца, другие имели повреждения, третьи нуждались в чистке и ремонте. Боеприпасы приходилось учитывать особенно внимательно.

Однажды Чапаев обнаружил, что несколько бойцов оставили оружие без должного ухода.

— Это что такое? — спросил он, осматривая винтовку.

— Да вроде исправная, Василий Иванович.

— Вроде — это не военный термин.

— А какой термин?

— Исправная. Или неисправная. Третьего не дано.

Боец улыбнулся.

— Значит, надо почистить?

— Значит, надо думать головой, пока она у тебя ещё есть. На войне винтовка может оказаться последним другом. А ты с ней обращаешься так, будто она тебе задолжала денег.

Солдаты засмеялись, но оружие после этого случая чистили гораздо старательнее.

Постепенно вокруг Чапаева собирались люди, которым он мог доверять. Среди них выделялся Иван Семёнович Кутяков, человек деятельный и способный, которому впоследствии предстояло стать одним из наиболее известных командиров чапаевских частей.

Пока их отношения только складывались. Они присматривались друг к другу, обсуждали организацию подразделений, оценивали людей. Чапаев ценил в Кутякове серьёзность и исполнительность. Кутяков, в свою очередь, видел, что новый командир обладает не только боевым опытом, но и редкой способностью увлекать людей за собой.

В один из дней они вместе осматривали место, где размещались бойцы.

— Людей прибывает всё больше, — заметил Кутяков.

— Это хорошо, — ответил Чапаев. — Только количество ещё не армия.

— Согласен. Нужна подготовка.

— И порядок. А главное, чтобы люди понимали, ради чего они здесь.

Кутяков посмотрел на стоявших неподалёку новобранцев.

— Некоторые пришли за жалованьем.

— Такие тоже нужны, — сказал Чапаев. — Только пусть не думают, что жалованье выдаётся за прогулки по городу.

Они подошли к группе бойцов. Один из молодых парней, заметив командира, поспешно выпрямился и попытался спрятать за спину кусок хлеба.

— Что там у тебя? — спросил Чапаев.

— Ничего, товарищ командир.

— Как это ничего? Я же вижу, что ты что-то прячешь.

Парень смутился.

— Хлеб.

— А почему прячешь?

— Думал, нельзя есть на построении.

Чапаев посмотрел на него, потом на остальных.

— Есть можно. Только желательно не во время команды. А то я однажды видел солдата, который так увлёкся едой, что вместо ответа командиру чуть не проглотил ложку.

Солдаты рассмеялись. Даже Кутяков не удержался от улыбки.

Василий Иванович понимал, что подобные мелочи не менее важны, чем строевые занятия. Люди должны были почувствовать себя частью общего дела, научиться доверять друг другу. Нельзя было создать настоящую военную силу из людей, которые смотрят на соседа как на случайного попутчика.

Но за стенами казарм и городских учреждений положение становилось всё тревожнее. В Поволжье нарастало противостояние. В разных местах возникали вооружённые столкновения, а сообщения о новых выступлениях против советской власти поступали всё чаще.

В мае 1918 года восстание Чехословацкого корпуса резко изменило военную обстановку. Железнодорожные линии, города и важные узлы коммуникаций оказались под угрозой. Вооружённые силы противников советской власти получили возможность действовать значительно активнее.

В Николаевске стало ясно: прежние небольшие отряды уже не смогут справиться с новыми задачами.

Требовалась регулярная военная организация.

По решению местных советских органов началось преобразование красногвардейских подразделений в части Красной армии. Формировались полки, устанавливалась структура командования, распределялись обязанности. В мае 1918 года были организованы полки имени Степана Разина и Емельяна Пугачёва. Они составили Пугачёвскую бригаду, командование которой принял Василий Иванович Чапаев.

Для него это было серьёзным испытанием. Теперь он отвечал не за небольшую группу людей, а за гораздо более крупное воинское соединение. Ошибка в организации могла привести к тяжёлым последствиям, а недостаток дисциплины — обернуться поражением.

Однажды вечером, когда основные дела были закончены, Чапаев остался в помещении один. Перед ним лежала карта, рядом находились списки подразделений. Он долго смотрел на обозначенные линии и дороги, пытаясь представить, как будет действовать противник.

Вошёл Кутяков.

— Василий Иванович, ещё не отдыхаете?

— Видишь сам. Бумаги, проклятые, не дают покоя.

— Завтра нужно решить вопрос со снабжением второго полка.

— Знаю. Утром займёмся.

Кутяков подошёл к столу.

— Трудно будет.

— Легко, брат, теперь уже не обещают.

— Люди ещё не все подготовлены.

— Значит, будем готовить.

— А если времени не хватит?

Чапаев поднял глаза.

— Тогда придётся учиться быстрее.

Кутяков помолчал.

— Вы думаете, мы удержимся?

Василий Иванович откинулся на спинку стула.

— Не знаю, Иван Семёнович. Но если заранее решить, что не удержимся, тогда можно сразу расходиться по домам.

— Дело не в страхе.

— Я и не говорю, что в страхе. Просто война не спрашивает, готовы мы или нет. Она приходит, и приходится отвечать.

Они ещё некоторое время обсуждали положение. За окном темнело, в городе постепенно стихали голоса. Но оба понимали, что спокойствие может оказаться недолгим.

В ту ночь Чапаев долго не ложился. Он вспоминал свою прежнюю жизнь, мастерскую, запах древесины, семейные вечера. Когда-то его главной заботой было закончить работу, заработать деньги и вернуться домой. Теперь на его плечах лежала ответственность за людей, которые доверили ему свои жизни.

Он не считал себя великим полководцем. До этого звания было ещё далеко, да и само представление о собственном величии вряд ли занимало его мысли. Он хотел добиться того, чтобы его бойцы не разбегались при первой опасности, чтобы командиры знали своё дело, чтобы отряды действовали согласованно.

В этом и заключалась его ближайшая задача.

А где-то далеко от Николаевска, на дорогах и станциях Поволжья, уже двигались люди, которым вскоре предстояло стать противниками друг друга. Они тоже были уверены в своей правоте, тоже надеялись вернуться домой и тоже не знали, сколько испытаний ждёт их впереди.

Гражданская война постепенно собирала свои армии, и Василий Чапаев уже стоял во главе одной из них.

Глава пятая. Город под огнём

Август 1918 года выдался жарким. Степь вокруг Николаевска выгорела, дороги покрылись густой пылью, а ветер приносил в город запах сухой травы и далёких костров. Казалось, сама природа устала от происходивших вокруг событий и хотела хотя бы ненадолго укрыться от человеческого безумия.

Но война не собиралась давать людям передышку.

В Николаевск всё чаще поступали тревожные известия. На дорогах замечали вооружённые отряды, на железнодорожных станциях происходили столкновения, а местные жители рассказывали о передвижении противника. После восстания Чехословацкого корпуса обстановка в Поволжье стала особенно опасной. Вооружённые силы, выступавшие против советской власти, усиливали давление на города и важные транспортные узлы.

Чапаев понимал, что спокойствие может закончиться в любую минуту.

Однажды утром он вызвал к себе нескольких командиров.

— Ну, докладывайте, что у нас нового, — произнёс он, раскладывая на столе карту.

Первым заговорил Кутяков:

— На восточном направлении замечены новые подразделения. По сведениям разведки, противник усиливает свои позиции.

— Численность?

— Точных данных нет.

Чапаев поднял голову.

— Как это нет? Мы что, теперь будем воевать с неизвестностью?

— Разведчики ещё не вернулись.

— Тогда дождёмся. Только ждать тоже надо с умом.

Один из командиров, пожилой человек с усталым лицом, заметил:

— Василий Иванович, люди волнуются. Говорят, противник может подойти к самому городу.

— А вы им что отвечаете?

— Что всё под контролем.

Чапаев усмехнулся.

— Хорошо. А у вас самого всё под контролем?

Командир смутился.

— Стараемся.

— Вот и старайтесь. Только не обещайте людям того, чего сами не знаете.

Он снова наклонился над картой.

— Надо проверить дороги, усилить наблюдение. И пусть никто не распускает слухов. У нас и без того достаточно настоящих неприятностей.

Совещание закончилось, но Василий Иванович ещё долго оставался за столом. Он знал, что война редко предупреждает о своём приближении. Иногда всё решают несколько часов, а порой даже несколько минут.

Кутяков задержался у двери.

— Василий Иванович, вы думаете, город удержим?

— А ты как думаешь?

— Если люди будут действовать согласованно, шансы есть.

— Значит, надо добиться, чтобы действовали согласованно.

— Это не всегда просто.

— Иван Семёнович, если бы всё было просто, я бы тебя сюда не приглашал.

Кутяков улыбнулся.

— Понял, товарищ командир.

— Вот и хорошо. Иди работай.

В тот же день Чапаев отправился осмотреть расположение частей. На окраине города он застал нескольких бойцов, которые спорили возле телеги.

— Что случилось? — спросил он.

Один из солдат повернулся к командиру.

— Да вот, Василий Иванович, лошадь не хочет идти.

— А вы её спросили, куда она хочет?

— Так она же не отвечает.

— Может, потому что вы с ней разговаривать не умеете?

Солдаты засмеялись.

Чапаев подошёл к животному, погладил его по шее и осмотрел сбрую.

— А ну-ка, покажите, что у вас тут.

Выяснилось, что ремень был перекручен и натирал лошади бок.

— Вот видите, — сказал Василий Иванович. — Лошадь не виновата, что у неё хозяева бестолковые.

— Мы сейчас исправим, товарищ командир.

— Исправляйте. И запомните: на войне иногда человек погибает не от пули, а от собственной глупости. Не добавляйте противнику лишних преимуществ.

Он направился дальше, а солдаты ещё долго улыбались, вспоминая его замечание.

В городе между тем нарастало беспокойство. Торговцы старались поскорее закончить дела, жители обсуждали последние новости, женщины всё чаще спрашивали у проходивших военных, насколько далеко находится противник.

На рынке одна пожилая женщина остановила молодого красноармейца.

— Сынок, скажи, правда, что чехи идут?

— Говорят, идут.

— А наши их остановят?

Парень поправил ремень винтовки.

— Постараемся, бабушка.

— Ты уж постарайся. А то у меня здесь и дом, и хозяйство, и вся жизнь.

— Не волнуйтесь. Мы город не отдадим.

Женщина посмотрела на него внимательно.

— Ты, милый, сначала сам живым останься. А город потом как-нибудь.

Красноармеец ничего не ответил. Он только кивнул и пошёл дальше.

Двадцатого августа 1918 года тревожные ожидания превратились в действительность. Части Народной армии при поддержке чехословацких подразделений начали артиллерийский обстрел Николаевска. Снаряды разрывались над городом, поднимались облака пыли, люди искали укрытия в подвалах и прочных зданиях.

Первый взрыв раздался так неожиданно, что на мгновение всё вокруг словно замерло.

Потом послышались новые разрывы.

В одном из помещений, где находились представители местного исполкома, заседание прервалось. Люди поспешно собирали документы, пытались организовать эвакуацию и связаться с военными подразделениями.

На улицах началась суматоха. Кто-то бежал к окраине, кто-то искал родственников, кто-то пытался вывезти из города детей и стариков. Военные подразделения занимали позиции, но противник оказывал сильное давление.

Чапаев в это время находился с частями бригады. Получив известие о происходящем, он направился к месту, откуда можно было оценить положение.

— Что известно? — спросил он прибывшего связного.

— Противник вошёл в город.

— Какие части?

— Чехословаки и подразделения Народной армии.

— Наши?

— Отходят. Сопротивление продолжается.

Чапаев резко повернулся к Кутякову.

— Надо выяснить, где находятся наши подразделения. Не допустить беспорядочного отхода.

— Уже отправил связных.

— Хорошо. И приготовь людей.

Кутяков посмотрел на него.

— Вы собираетесь возвращаться в город?

— А ты предлагаешь оставить его противнику навсегда?

— Нет. Но надо оценить силы.

— Оценим. Только времени у нас немного.

Василий Иванович прекрасно понимал, что поспешная атака может закончиться тяжёлыми потерями. Но и бездействие означало бы потерю важного города, а вместе с ним — политического и военного положения в округе.

Николаевск оказался в руках противника. Для жителей начались тревожные дни. Новая власть была свергнута, в городе появились вооружённые подразделения, начались аресты сторонников советской власти. По историческим свидетельствам, часть местных большевиков и советских работников была предана военно-полевому суду и расстреляна.

Эти события ещё сильнее ожесточили противостояние.

Василий Иванович получил известия о происходящем и понял, что времени на долгие приготовления почти не осталось. Он собрал командиров.

— Товарищи, положение вам известно. Николаевск занят противником. В городе остались наши люди. Мы не можем бросить их на произвол судьбы.

Один из командиров спросил:

— Сил достаточно?

— Для победы всегда хочется иметь больше сил, — ответил Чапаев. — Но если будем ждать, пока их станет достаточно, противник успеет дойти до самого Саратова.

Кутяков развернул карту.

— Есть возможность подойти к городу с нескольких направлений.

Чапаев внимательно изучил обозначения.

— Нужно действовать согласованно. Никакой самодеятельности. Каждый командир отвечает за свой участок.

— А если противник окажется сильнее, чем мы предполагаем?

— Тогда будем решать по обстановке. Но город оставлять без попытки вернуть не станем.

Он обвёл взглядом присутствующих.

— И ещё. Не забывайте, что там наши люди. Не только красноармейцы. Там женщины, старики, дети. Действовать надо с головой. Нам нужен город, а не груда развалин.

После совещания Чапаев вышел во двор. У крыльца стоял молодой боец, который, казалось, никак не мог решить, куда ему идти.

— Ты чего здесь застыл? — спросил Василий Иванович.

— Жду приказа, товарищ командир.

— А до приказа ты что делаешь?

— Ничего.

— Прекрасная привычка. Только на войне она дорого обходится.

Парень смутился.

— Я просто не хочу ошибиться.

Чапаев посмотрел на него внимательнее.

— Ошибаться никто не хочет. Но если каждый будет стоять и ждать, пока ему объяснят каждый шаг, нас с тобой давно уже не будет. Слушай приказ, выполняй его и думай головой. Вот и вся наука.

— Понял.

— Тогда иди. И постарайся, чтобы я тебя больше не видел возле этого крыльца.

Боец быстро направился к своим.

Вскоре началось движение частей. Люди проверяли оружие, подтягивали снаряжение, уточняли задачи. В воздухе чувствовалось напряжение, которое невозможно было спутать ни с чем другим. Каждый понимал: впереди серьёзное испытание.

Чапаев ехал рядом с колонной, внимательно наблюдая за бойцами. Он знал, что многие из них молоды, неопытны и впервые окажутся в настоящем бою. Но он также видел, что люди готовы идти за ним.

Василий Иванович не произносил длинных речей. Он говорил коротко, иногда резко, иногда с усмешкой. Но его присутствие действовало на бойцов сильнее многих слов.

Один из солдат, заметив его, негромко сказал товарищу:

— Смотри, сам командир с нами идёт.

— А куда ему ещё идти?

— Мог бы в штабе сидеть.

— Нашему Василию Ивановичу в штабе долго не усидеть. Он там, наверное, через час начнёт стены строем выстраивать.

Оба тихо рассмеялись.

Вскоре впереди показались первые признаки приближения к городу. Разведчики сообщили о расположении неприятельских частей. Чапаев выслушал доклад, затем повернулся к командирам.

— Начинаем.

Бой за Николаевск стал одним из важнейших эпизодов в ранней военной биографии Чапаева. Его подразделения сумели вернуть город, хотя подробности отдельных действий и датировки событий в исторических источниках различаются. Вскоре Николаевск снова оказался под контролем советских частей.

Для жителей возвращение красноармейцев означало окончание одного периода тревоги, но не означало наступления мира. Война продолжалась, и город оставался в опасной близости от линии противостояния.

Когда стрельба стихла, Чапаев въехал в город. На улицах ещё виднелись следы недавнего боя. Где-то дымились повреждённые постройки, на дороге лежали обломки, люди осторожно выходили из укрытий.

К нему подошла та самая пожилая женщина, которая несколько дней назад разговаривала с молодым красноармейцем на рынке.

— Ну что, сынок, вернулись?

Чапаев остановился.

— Вернулись, бабушка.

— А теперь надолго?

Он посмотрел на неё и не сразу ответил.

— Будем надеяться.

— Ты уж постарайся. А то у нас тут жизнь не казённая. Её заново не выдадут.

Чапаев улыбнулся.

— Вот это правильно сказано.

Женщина внимательно посмотрела на его усталое лицо.

— Ты бы поел чего-нибудь. Вид у тебя такой, будто сам с пушкой воевал.

— Поем, бабушка. Только сначала с делами разберёмся.

— Все вы так говорите. Сначала дела, потом еда, потом сон. А когда же жить будете?

Василий Иванович ничего не ответил. Он лишь на мгновение задержал взгляд на женщине, затем направился дальше.

Ему предстояло решать новые задачи. Нужно было восстанавливать порядок, пополнять части, выяснять положение на соседних направлениях и готовиться к дальнейшим боям.

Но в тот вечер, когда он наконец остался один, Чапаев позволил себе несколько минут тишины.

Он снял фуражку, положил её на стол и посмотрел на свои руки. На них осталась пыль дороги, следы усталости и небольшие царапины.

Когда-то эти руки умели только плотничать, держать рубанок и подгонять доски одну к другой. Теперь они распоряжались судьбами сотен людей.

Он вспомнил слова старой женщины: «Жизнь заново не выдадут».

И почему-то долго не мог забыть эту простую фразу.

Город был возвращён. Но впереди оставалась война, в которой ещё не раз придётся терять друзей, принимать тяжёлые решения и смотреть в глаза людям, которым невозможно объяснить, почему их мир разрушен.

А пока на улицах Николаевска постепенно зажигались огни. Люди возвращались в дома, осторожно открывали двери, искали близких. Над городом стояла тишина, но это была не тишина мира.

Это была лишь короткая передышка между боями.

Глава шестая. Когда отряды становятся армией

После возвращения Николаевска жизнь постепенно входила в привычное русло, хотя привычным это русло можно было назвать лишь с большой натяжкой. Война не отступала, а только меняла направление. Вчерашние добровольцы уже не могли оставаться просто вооружёнными людьми, собравшимися защищать родные места. Впереди их ждали новые походы, столкновения с хорошо организованными подразделениями противника и испытания, к которым следовало готовиться заранее.

Чапаев понимал: одной храбрости теперь недостаточно. Если раньше можно было собрать людей, объяснить им задачу и отправиться навстречу противнику, то теперь требовались порядок, дисциплина, связь между подразделениями и чёткое управление. Из разрозненных отрядов предстояло создать настоящую воинскую силу.

Работа оказалась непростой.

В Николаевске и его окрестностях продолжалось формирование новых подразделений. В них приходили крестьяне, рабочие, бывшие солдаты царской армии, люди, уже успевшие повоевать в первых столкновениях Гражданской войны. Одни имели фронтовой опыт, другие едва умели обращаться с винтовкой. Среди добровольцев встречались совсем молодые парни, которым ещё недавно полагалось сидеть за школьной партой, и мужчины, успевшие обзавестись большими семьями.

Каждый приходил со своей историей, своим характером и собственным представлением о том, что такое военная служба.

Чапаев старался не смотреть на людей как на безликую массу. Он внимательно присматривался к командирам, разговаривал с бойцами, интересовался их прежней службой. Его интересовало не только то, кто умеет метко стрелять, но и то, кто способен отвечать за других.

Однажды во время проверки подразделения он остановился возле молодого красноармейца, который никак не мог справиться с ремнём винтовки.

— Ты давно служишь? — спросил Василий Иванович.

— Третий день, товарищ командир.

— А до этого чем занимался?

— В деревне работал.

— На чём?

— На земле. Пахал, сеял, косил.

— Значит, руки к делу привычные. А винтовку держать научишься.

Парень заметно приободрился.

— Постараюсь, товарищ командир.

— Постарайся так, чтобы потом мне не пришлось объяснять твоей винтовке, куда ей стрелять.

Рядом стоявшие бойцы рассмеялись. Молодой солдат тоже улыбнулся, хотя по-прежнему держал оружие с некоторой опаской.

Чапаев двинулся дальше. Он не любил унижать неопытных людей. Ошибки следовало исправлять, но человек, пришедший добровольцем, должен был чувствовать, что его труд и старание имеют значение.

Особенно важным было подобрать надёжных командиров. Среди людей, с которыми Чапаеву предстояло пройти немало дорог, всё заметнее выделялся Иван Кутяков. Он был моложе Василия Ивановича, обладал собственным характером и не боялся высказывать мнение, даже если оно не совпадало с мнением начальника.

Такие отношения не всегда обходились без споров.

Во время одной из проверок Кутяков обратил внимание на то, что несколько бойцов плохо знают порядок смены караула.

— Василий Иванович, с этим надо разбираться, — сказал он. — Если оставить всё как есть, однажды кто-нибудь проспит неприятеля.

— А ты что предлагаешь?

— Усилить обучение. И назначить ответственных, которые будут проверять караулы.

— Правильно. Только не превращай обучение в наказание. Нам нужны внимательные бойцы, а не люди, которые боятся лишний раз спросить.

Кутяков кивнул.

— Согласен.

— Тогда и займись. А если кто-нибудь будет утверждать, что уже всё знает, проверь его особенно внимательно.

— Почему именно его?

— Потому что тот, кто действительно всё знает, обычно первым понимает, сколько ещё предстоит узнать.

Кутяков усмехнулся.

— Это вы хорошо придумали.

— Я не придумывал. Жизнь подсказала.

Постепенно складывалась и новая система управления. Во второй половине лета части, созданные на основе местных красногвардейских отрядов, объединялись в более крупные соединения. Первые Николаевские полки стали основой бригады, которой командовал Чапаев. Затем началось формирование дивизии Николаевских полков.

В конце июля 1918 года приказом по войскам 4-й армии была сформирована дивизия, в которую вошли несколько полков и другие подразделения. Чапаев продолжал играть важную роль в её организации и командовании отдельными частями. В сентябре он возглавил дивизионное соединение, а затем получил назначение начальником 2-й Николаевской дивизии.

Названия частей менялись, состав расширялся, вчерашние отряды становились полками, а полки — соединениями. Но за каждой строкой приказа стояли живые люди, которым предстояло учиться действовать вместе.

Для Чапаева это было не просто административное преобразование. Он видел, что прежний порядок уже не соответствует масштабу войны. Теперь недостаточно было иметь смелого командира и несколько сотен решительных бойцов. Требовалась организация, способная выдержать длительные боевые действия.

Однажды во время построения случилась небольшая история, которая надолго осталась в памяти солдат.

Командир одного из подразделений, стараясь произвести хорошее впечатление, приказал бойцам выстроиться особенно ровно. Он несколько раз проходил вдоль шеренги, поправлял положение винтовок и громко требовал соблюдать дистанцию.

Всё шло вполне благополучно, пока один из новобранцев не сделал шаг вперёд и не оказался перед самым командиром.

— Ты куда? — возмутился тот.

— Товарищ командир, вы приказали равняться.

— Ну и что?

— Так я и равняюсь.

— На кого?

Солдат растерялся, посмотрел на командира и честно ответил:

— На вас. Вы же впереди всех стоите.

Бойцы едва сдерживали смех. Командир покраснел, но Чапаев, наблюдавший за происходящим, не выдержал и улыбнулся.

— Ну что ж, товарищ командир, — заметил он, — теперь вы знаете, что личный пример иногда понимают слишком буквально.

После этого даже сам строгий начальник рассмеялся. Построение продолжили, но новобранец ещё долго пользовался среди товарищей прозвищем «Равняйся».

Такие эпизоды помогали людям переносить напряжение повседневной службы. Солдатский юмор был своеобразной защитой от страха и усталости. Он позволял на короткое время забыть о тревогах и почувствовать, что рядом находятся не просто сослуживцы, а товарищи, с которыми можно разделить и трудности, и радость.

Однако Чапаев не позволял, чтобы веселье мешало делу. Он прекрасно понимал разницу между добродушной шуткой и безответственностью.

Вечером, после очередного совещания, он задержался с Кутяковым и ещё несколькими командирами. На столе лежала карта, рядом стояли кружки с чаем. Усталость давала себя знать, но разговор продолжался.

— Людей становится больше, — заметил один из командиров. — А вместе с ними прибавляется и забот.

— Это естественно, — ответил Чапаев. — Чем больше людей, тем больше ответственности.

— Иногда кажется, что легче было бы командовать одним хорошим полком, чем целой дивизией.

— Легче, конечно. Только война нас спрашивать не будет, что нам легче.

Кутяков посмотрел на карту.

— Надо усиливать подготовку командиров. Не все справляются с новыми задачами.

— Вот это верно, — согласился Чапаев. — Командир должен знать не только, как вести людей в атаку. Он должен понимать, где они находятся, чем располагают, как поддерживать связь и что делать, если обстановка изменится.

— А если он сам растеряется?

Василий Иванович поднял голову.

— Тогда ему лучше не показывать этого своим бойцам. Люди должны видеть, что командир понимает, что делает.

— Даже если он не понимает? — спросил кто-то из присутствующих.

Чапаев посмотрел на него с усмешкой.

— Если совсем не понимает, то пусть сначала научится. А потом уже командует.

За столом засмеялись.

В эти месяцы всё отчётливее проявлялась одна особенность Чапаева: он мог быть резким, вспыльчивым, порой нетерпеливым, но в боевой обстановке умел быстро оценивать происходящее и принимать решения. Его отличали личная смелость, сильная воля и способность увлекать за собой людей. Вместе с тем отсутствие систематического военного образования оставалось серьёзным пробелом, который он впоследствии попытался восполнить.

В сентябре в жизни формировавшихся частей произошло ещё одно заметное событие. На Восточном фронте шла реорганизация соединений, менялись их названия и подчинение. Вскоре Николаевские полки получили новое наименование, а их командиры продолжили работу по созданию боеспособной дивизии.

Для рядового бойца эти изменения иногда выглядели довольно забавно.

— Слушай, — спросил один красноармеец другого, — мы теперь кто?

— Как кто? Красноармейцы.

— Это я знаю. А полк наш как называется?

— Сегодня так, завтра иначе. Главное, чтобы винтовка оставалась при нас.

— А если и винтовку переименуют?

— Тогда придётся привыкать к новому названию.

— Ты шутишь?

— Конечно. На войне без шутки недолго и с ума сойти.

Они рассмеялись и продолжили работу.

Но за этим солдатским разговором скрывалась важная перемена. Люди постепенно начинали осознавать себя частью большого воинского соединения. Они уже не просто защищали собственную деревню или уезд. Их служба приобретала иной масштаб, а задачи становились сложнее.

Чапаев всё чаще думал о будущем. Он видел, что противник располагает опытными офицерами, хорошо организованными частями и достаточным количеством вооружения. Противостоять ему можно было только при условии, что красные подразделения научатся действовать не менее согласованно.

Однажды, наблюдая за тренировкой бойцов, он заметил, как один из новобранцев после неудачного упражнения сердито отбросил учебный предмет.

— Что случилось? — спросил Василий Иванович.

— Не получается у меня, товарищ командир.

— А ты думал, с первого раза всё получится?

— Думал.

— Напрасно думал. Иногда человек десять раз ошибётся, прежде чем научится делать правильно. Главное, чтобы на одиннадцатый раз он не бросил дело.

— А если и на одиннадцатый не получится?

Чапаев посмотрел на него внимательно.

— Тогда будем думать, что ещё можно изменить. Только заранее сдаваться не надо.

Боец поднял с земли учебный предмет и вернулся к товарищам.

Василий Иванович ещё некоторое время наблюдал за тренировкой. Он понимал, что армия рождается не только в сражениях. Она рождается на плацу, в казарме, во время долгих переходов, в разговорах командиров и солдат, в бесконечных повторениях одного и того же упражнения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.